

ТРИЛОГИЯ МАКОВЫХ ВОЙН

ОПИУМНАЯ ВОЙНА
РЕСПУБЛИКА ДРАКОН
ПЫЛАЮЩИЙ БОГ

REBECCA F.

KUANG

THE BURNING

GOD

fanzon

Москва
2022

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
К88

Rebecca Kuang
THE BURNING GOD

Copyright © 2020 by Rebecca Kuang
Published by permission of Author and her literary agents,
Liza Dawson Associates (USA) via Alexander Korzhenevski Agency (Russia)

Cover illustration by Sergey Shikin and Vlad Shikin

Cover illustration and layout design
Copyright © by Fabryka Słów sp. z o.o.

Куанг, Ребекка.

К88 Пылающий бог / Ребекка Куанг ; [перевод с английского
Н. В. Рокачевская]. — Москва : Эксмо, 2022. — 576 с.

ISBN 978-5-04-164763-6

После кровавых сражений с недобитыми мугенскими войсками и союзниками гесперианцев, желающих присвоить богатства Никана, Рин опустошена физически и морально. Преданная и искалеченная, она бежит из Арлонга, чтобы собрать новые силы и ударить по врагу. Но ее союзники в руководстве Южной коалиции лукавы и ненадежны, Рин быстро понимает, что настоящая сила в Никане — это миллионы простых людей, которые жаждут мести и почитают ее как богиню.

Однако по мере роста ее сил крепнет и опьяняющий голос Феникса, призывающий сжечь весь мир. И противостоять ему все сложнее...

Эффектное завершение трилогии «Опиумной войны», нашумевшего, отмеченного наградами эпического фэнтези Ребекки Куанг, которое сочетает в себе историю Китая как средних веков, так и недавнего прошлого с опасным миром богов и монстров.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-164763-6

© Н. Рокачевская, перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

*Моим читателям,
оставшимся до конца трилогии
и приготовившим ведро для слез*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Коалиция южан и ее союзники:

- Ф а н Р у н и н — сирота войны из провинции Петух, бывший командир цыке, последняя оставшаяся в живых спирка
- Ч е н К а т а й — сын бывшего министра обороны империи, единственный наследник семьи Чен, якорный близнец Рин
- Ш р и н В е н к а — лучница из Синегарда, дочь бывшего министра финансов империи
- Л и у Г у ж у б а й — наместник провинции Обезьяна, блестящий политик
- М а Л ь е н — главарь бандитов, входящий в руководство Коалиции южан
- Л и у Д а й — один из руководителей южан, давнишний союзник Гужубая
- Я н С у ц з ы — лидер бойцов сопротивления из провинции Петух, командир Железных волков
- Ц ю а н ь Ч о л а н — молодой наместник провинции Собака, назначен недавно
- Ч и а н М у г — королева пиратов Анхилуна, она же Каменная стерва и Лживая вдова

Семья Инь:

- И н ь В а й ш р а — наместник провинции Дракон, президент Никанской республики (или Республики Никан)
- И н ь С а и х а р а — правительница Арлонга и жена Иня Вайшры
- И н ь Ц з и н ь ч ж а — старший сын наместника провинции Дракон, маршал республиканской армии, убит Су Дацзы*
- И н ь М у ч ж а — сестра-близнец Цзиньчжи, единственная дочь Вайшры
- И н ь Н э ч ж а — второй сын наместника провинции Дракон
- И н ь М и н ч ж а — третий сын наместника провинции Дракон, убит драконом Арлонга в детстве*

Триумвират:

Су Да ц з ы — бывшая императрица Никана, она же Гадюка, призывает богиню-улитку Ньюву

Ц з я н Ц з ы я — Страж, призывает чудовищ из императорского зверинца

И н ь Р и г а — Дракон-император, считается погибшим в конце Второй опиумной войны

Гесперианцы:

Ж о з е ф у с Т а р к е т — генерал, командующий войсками Гесперии в Никане

П е т р а И г н а т и у с — сестра, представительница Серой гильдии (гесперианского религиозного ордена) в Никане, одна из самых блестящих ученых своего поколения

Цыке:

А л т а н Т р е н с и н — спирец, бывший командир цыке*

Р а м с а — бывший узник тюрьмы в Бахре, эксперт по боеприпасам, цыке*

Б а ц з ы — шаман, призывающий бога, который наделяет его громадной силой, цыке*

С у н и — шаман, призывающий бога-обезьяну, цыке*

Ч а х а н С у р е н — шаман из клана наймадов, брат-близнец Кары, цыке

К а р а С у р е н — меткий стрелок, заклинательница птиц и сестра-близнец Чахана, его якорь, цыке*

А р а ш а — шаман, призывающий речного бога, цыке*

* Покойные.

ΠΡΟΛΟΓ

— Не стоит этого делать, — сказала Дацзы.

Костер полыхнул странным пурпурным цветом, заискрил и зашипел с укоризной, словно чувствовал ее вину. Языки пламени взметнулись жадными руками и превратились в мерцающие лица, которые даже спустя несколько месяцев вызывали у Дацзы стыд и боль в груди. Она отвернулась.

Но мертвецы навеки запечатлелись под ее веками — их возмущенно разинутые рты винили ее в предательстве. В голове эхом отдавался шепот, она слышала его в своих снах каждую ночь.

«Убийца, — говорили они. — Неблагодарная. Шлюха».

Грудь Дацзы сковал страх.

— Рига, вряд ли...

— Слишком поздно что-либо менять, милая.

По другую сторону от костра Рига с присущей ему аккуратностью безжалостно душил вырывающегося оленя. Он уже приготовил три разделочных ножа, снятых с трупов лучников из клана кетрейдов, и разложил их вокруг костра идеальным треугольником. К своему ножу Дацзы не притронулась. Она была слишком напугана: блестящий металл выглядел ядовитым и жутким.

— Пути назад уже нет, — сказал он.

Олень выгнул шею, пытаясь освободиться. Рига схватил его за рога рукой и треснул головой о землю.

Пламя взметнулось выше, шепоты усилились. Дацзы вздрогнула.

— Мне кажется, это неправильно.

Рига фыркнул.

— И давно ты стала такой трусихой?

— Я просто беспокоюсь. Тсевери сказала...

— Какая разница, что она там сказала? — оцетинился Рига, явно защищаясь.

Дацзы знала, что ему тоже стыдно. Знала — в глубине души он жалеет, что встал на этот путь. Но Рига никогда в этом не признается, иначе он будет сломлен.

Прижав оленю шею коленом, Рига связал передние ноги животного веревкой. Олень открыл пасть, словно для крика, но раздался лишь хриплый, пугающий скрежет.

— Тсевери вечно несет всякую чушь. Какие-то пророчества... Не верь этой болтовне. Она говорила лишь то, что хотела нам втолковать Сорган Шира.

— Она сказала, что мы можем из-за этого погибнуть, — напомнила Дацзы.

— Не совсем так.

— Но близко.

— Ох, Дацзы.

Рига суровым рывком затянул последний узел, бросил секундный взгляд на результат своей работы и переместился ближе к Дацзы. Мягкими кругами погладил ее по спине. Он хотел успокоить, но Дацзы чувствовала себя в западне.

— Неужели я могу допустить, чтобы с тобой случилось несчастье? — сказал он.

Дацзы с трудом удавалось дышать ровно.

«Делай, что он говорит, — напомнила она себе. Такой у них договор с Цзыей. — Не поднимай головы и подчиняйся. Иначе Рига найдет способ от тебя избавиться». Она должна радоваться предстоящему ритуалу: эта защита — твердая гарантия того, что Рига не убьет ее, ведь в противном случае умрет он сам. Это щит и для нее, и для Цзыи.

Но она все равно боялась. «А если это будет хуже смерти?» Она собралась с духом:

— Должен же быть какой-то другой способ...

— Его нет, — отрезал Рига. — Так мы долго не протянем. Война стала слишком серьезной. Врагов слишком много, — он помахал ножом в сторону леса. — А если Цзыя будет так себя вести, он и дня не продержится.

«Не протянет, потому что ты его оттолкнул», — хотелось огрызнуться Дацзы, но она сдержалась из страха вызвать приступ его гнева. Его жестокости.

У нее не было другого выхода. Дацзы давным-давно поняла, что должна стать незаменимой для Риги, если хочет жить спокойно. Скованной с ним якорем, на котором держится сама его жизнь.

— Эй, Цзя! — позвал Рига, приложив ладони ко рту. — Давай покончим с этим.

Лес остался тих.

— Цзя! — повысил голос Рига. — Я знаю, что ты там.

«Может, он сбежал? — подумала Дацзы. — Мерзавец умен».

Она задумалась о том, что сделает Рига, если Цзя и впрямь удерет. Конечно же погонится за ним и, скорее всего, схватит — Рига всегда был самым сильным и быстрым из их тройцы. Наказание будет чудовищным. Но Дацзы смогла бы несколько минут сдерживать Ригу, оттянуть время, и тогда, даже если это будет стоить ей жизни, хотя бы один из них спасется.

Однако через несколько секунд Цзя вышел из леса, спотыкаясь, как пьяный. У него был затуманенный, безумный взгляд, который Дацзы в последнее время видела так часто, что уже привыкла. Она знала, что это предвещает опасность, и втихую потянулась к ножу.

Рига встал и пошел навстречу Цзяе, как дрессировщик к тигру, осторожно раскинув руки.

— Ну, как ты?

— Как я? — наклонил голову Цзя. — О чем это ты?

Дацзы заметила, как запульсировала вена на шее Риги.

— Может, присядешь? — спросил Рига.

Цзя покачал головой и хихикнул.

— Что тут смешного? — рявкнул Рига. — Идем, Цзя.

— Цзя? — Он закатил глаза к небу. — А кто это?

Рига потянулся к мечу. Дацзы подняла нож. Они ведь к этому готовились, все втроем, с согласия Цзяи. Нужно нанести удар, прежде чем откроются ворота...

Лицо Цзяи исказила кошмарная ухмылка:

— Шучу.

Рига расслабился.

— Да чтоб тебя!

Дацзы выдохнула и попыталась утихомирить бешено колотящееся сердце. Цзя сел перед костром, скрестив ноги. Взгляд небрежно скользнул по связанному оленю.

— Совсем как ручной, да?

Он взял с земли свой нож и поиграл с ним перед оленем. На зубренном лезвии сверкнуло пламя. Олень лежал неподвижно, как мертвый, если бы не это тяжелое хриплое дыхание.

— Дацзы проглотила шарик опиума, — сказал Рига.

— Ясно. — Цзыя подмигнул ей: — Вот и умница.

Дацзы страстно желала, чтобы наркотик подействовал быстрее. Чтобы Рига дал ей время. Но это требует сострадания, которым он уж точно не обладал.

— А ты оживилась, Дацзы, — сказал Рига, покачав перед ней ножом. — Давай не будем затягивать.

Дацзы замерла. Краткий миг она подумывала сбежать. У нее задрожали колени.

Нет. Пути для отступления нет. Ей придется это сделать. Если не ради себя, то ради Цзыи.

Он обожает дурацкие шутки. Не способен ничего принять всерьез, и даже безумие, возможно, ожидающее впереди, его лишь забавляет. Но ее страх и страх Риги — реальны. Цзыя месяцами балансировал на границе здравого рассудка и безумия, и они не знали, когда он рухнет в бездну навеки. Лишь этот шаг мог его вернуть.

Только вот это дорого им обойдется.

— Поднимите ножи, — скомандовал Рига.

Они подчинились. Олень смиренно лежал под блестящими клинками, его остекленевшие глаза были открыты.

Рига заговорил. С каждым словом заклинания, с каждой ложью, названной зверством и убийством, которые они совершили, пламя поднималось все выше и выше, пока не взметнулось над ними прямо в ночное небо. Когда эти слова произносила Тсевери, они звучали музыкой; с языка Риги они слетали проклятиями. Дацзы крепко зажмурилась, стараясь заглушить крики в голове.

Рига завершил песнопения. Ничего не изменилось.

Они долго сидели у костра, в растущем смятении, пока тишину не прервал хохот Цзыи.

— Да что с тобой творится? — огрызнулся Рига.

— Ты все неправильно произнес, — сказал Цзыя.

— Это еще что значит?

— Твой акцент. Ничего не выйдет, если так исказить слова.

— Тогда говори ты.

И Рига выплюнул еще несколько непонятных слов.

Мугенских слов, грязного говора, которому он научился в детстве. «Любитель кобыл».

— Я не знаю слова, — ответил Цзыя.

— Нет, знаешь, — в голос Риги вкрались угрожающие нотки. — Она же научила тебя первым.

Цзыя оцепенел.

«Не надо, не делай этого, — подумала Дацзы. — Давай уьем его и сбежим».

Цзыя начал произносить заклинание. Его голос постепенно изменился от хриплого шепота до крика, мощного и ясного. На этот раз слова звучали ближе к тому, как говорила их Тсевери. На этот раз они имели силу.

— Пора, — прошептал Рига, и они подняли ножи, чтобы принести невинную жертву.

Когда все закончилось, трое вернулись из бездны обратно в материальные тела, словно их окатили ледяной водой. Дацзы дернулась, тяжело дыша. Земля под ногами была такой прочной, воздух таким свежим. Все в мире было знакомым, но странным — крепким, прекрасным и загадочным. Внутри у Дацзы все горело, вибрировало чистой энергией так, что тело изгибалось дугой.

Она никогда еще не чувствовала себя такой живой. Теперь у нее было три души вместо одной, теперь она стала целой, стала чем-то гораздо большим, чем была.

Но они еще не полностью вернулись из мира духов: их связь пока не была закреплена. Дацзы читала души Цзыи и Риги, их мысли обрушивались на ее разум и звучали так громко, что трудно было отделить от собственных.

Она чувствовала холодный и чистый страх Цзыи вместе с громадным облегчением. Цзыя этого не хотел. Никогда не хотел. Был страшно напуган тем, в кого может превратиться. Но и радовался тому, что спасся от грозящего в противном случае. Он был рад, что теперь связан.

Рига излучал ликование и головокружительный поток честолюбивых желаний. Жаждал получить еще, больше. Даже не обращал внимания на исходящий от Цзыи панический страх. Он грезил лишь о великом. Представлял их на поле боя, за столом переговоров, на трех тронах.